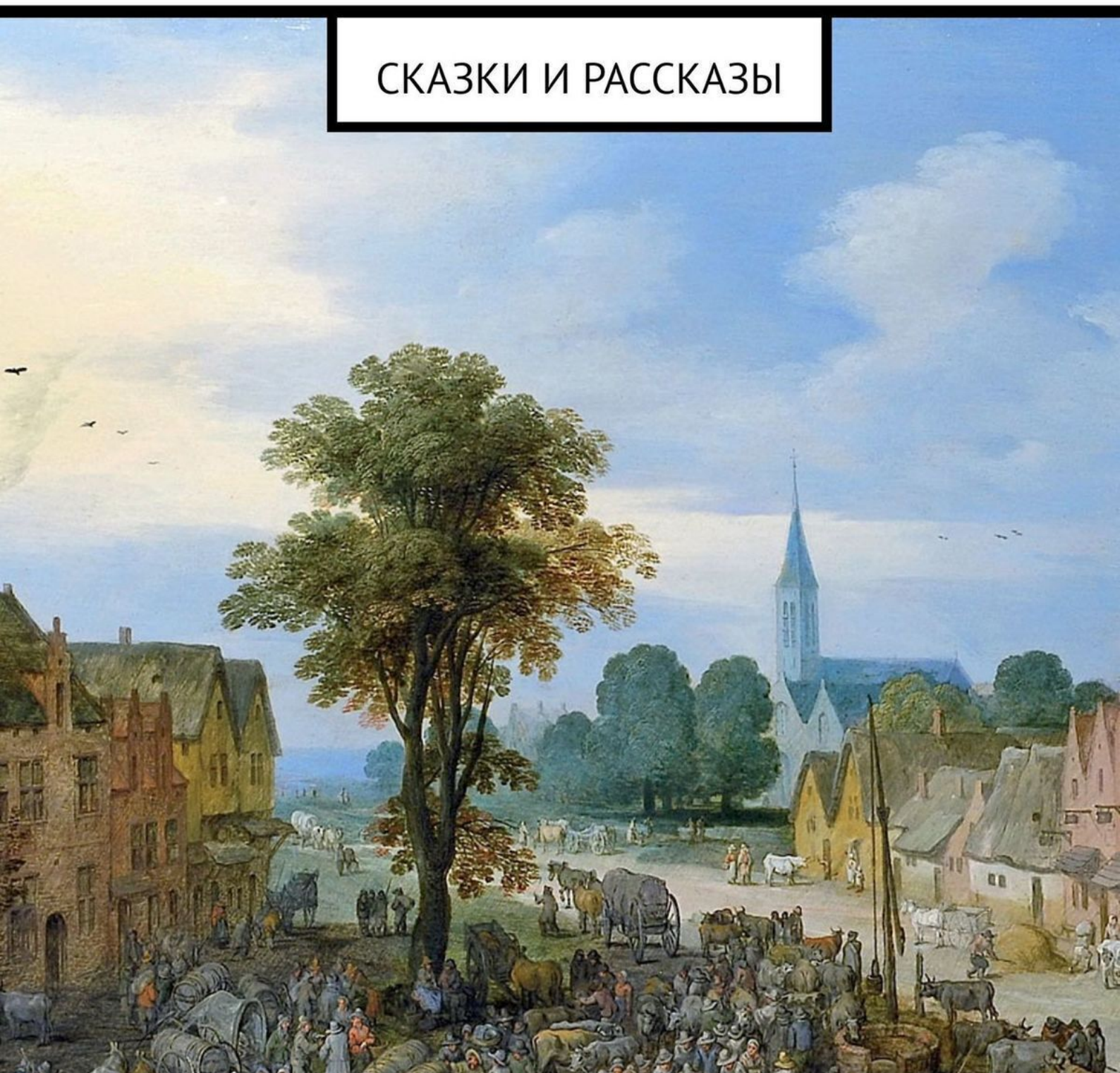

ПАВЕЛ ЮРИЧ

Зеленая флейта

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

Павел Юрич

**Зеленая флейта.
Сказки и рассказы**

«Издательские решения»

Юрич П.

Зеленая флейта. Сказки и рассказы / П. Юрич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935268-2

Рассказы разных лет. Веселые и грустные, волшебные и не очень. Инопланетяне приземляются в Казани, шаман вызывает демона, средневековый студент ищет ответа на главный вопрос. Ну и, разумеется, котики, куда без них. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-935268-2

© Юрич П.
© Издательские решения

Содержание

Лик любви в черном зеркале	6
Встреча, которой не было	8
Драконоборец	9
Социальное государство	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Зеленая флейта

Сказки и рассказы

Павел Юрич

© Павел Юрич, 2024

ISBN 978-5-4493-5268-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лик любви в черном зеркале

В славном городе Дрездене проживал некогда Герман Шпрингер, на ниве учения снискавший себе почет и уважение у своих товарищей – студиязусов философии Дрезденского университета. К пирушкам, дуэлям и эскападам к добрым вдовушкам Герман склонен не был, однако, не оттолкнул этим от себя соучеников, а напротив, заставил их проникнуться к своей особе чувством непреходящего восхищения, просиживая день и ночь за книгами. Герман не был зубрилой, однако более других отличался прилежанием в изучении наук, особенно же он преуспел в античной философии, за что наставник его, Игнациус Бляуман, весьма превозносил Шпрингера перед прочими.

Тайная тоска снедала сердце нашего героя, ибо на своем третьем десятке лет вдруг открылась ему одна истина, заставившая сердце в миг познания замереть: никогда не изнемогала душа его в любовной истоме, никогда не вздыхал он под окном какой-нибудь прелестницы, обуреваемый одновременно нежностью и страстью. Словом, Герман никогда не был влюблен.

Этими невеселыми своими размышлениями поделился он со своим первым другом и конфидентом во всех душевных волнениях Иоганном Институрисом. Происходило это во время традиционной прогулки друзей по дубовой роще, недалеко от знаменитых Линковых купален, традиционного места отдыха добрых дрезденцев.

– Грустно мне, сердечный друг мой Иоганн, – промолвил Герман, наблюдая, как друг его закуривает свою традиционную вишневую трубочку. – И не потому, что я никогда не любил, ты же знаешь – родители мои покинули наш мир, пока я был в младенческом возрасте, а воспитывался я у своего сурового дяди, – а потому, что я не представляю себе идеала, той, кого бы смог действительно полюбить.

– Ну, ежели вся твоя беда только в отсутствии идеала, некоторую помощь в этом я мог бы тебе оказать – Институрис остановился и указал рукой в сторону Старого города. – Видишь там дом с золотым флюгером? В этом доме проживает француз Жак Молле, по слухам, изгнанный из родной страны за колдовство и богопротивные занятия. Недавно я слышал, что Молле создал дивный предмет – Черное зеркало, отражающее каждому, кто подойдет к нему, лик той персоны, которую суждено полюбить несчастному. Однако сейчас француз переживает тяжкие времена безденежья, и вряд ли согласится открывать свое зеркало каждому страдальцу просто так.

– Друг мой, ты только что открыл мне новый смысл моей жизни! – с этими словами Герман по—дружески сжал руку своего товарища и, снедаемый любопытством, помчался по направлению к дому с золотым флюгером.

Бегом преодолев расстояние, отделявшее дубовую рощу от дома, прозванного в народе «Французским», Герман вовсе не ощущал усталости, а, напротив, необыкновенный прилив сил и бодрости. Взявшись за дверную колотушку, весьма искусно выполненную в форме кошачьей головы, он постучал в массивную дубовую дверь.

Отворил ему привратник, видом напоминавший более корсара с какого-то лихого судна, нежели слугу приличного дома. Сверкая единственным глазом (второй закрывала черная повязка), он не промолвил ни слова, а жестами указал студиязусу следовать за ним. Герман был удивлен – как будто здесь специально ждали его прихода.

На втором этаже, куда лихой пират в ливрее провел Германа, в большом зале, заваленном странными предметами и книгами, в высоком кресле сидел маленький человечек, напоминавший гнома из детских сказок. Тем поразительнее было, когда гном (а это и был Жак Молле), промолвил густым басом, более подходящим Геркулесу:

– Вы пришли посмотреть в зеркало, мой мальчик?

– Вы совершенно правы, герр Молле, – учтиво ответил Герман.

– Это удовольствие... или несчастье... будет стоить вам, милый мой друг, недешево.

– Я не стеснен в средствах, а кроме того считаю, что познав свою любовь, деньги будут иметь для меня значение второстепенное, – не менее куртуазно продолжал диалог искатель любви.

– Вы отдадите мне все деньги, кои имеются у вас сейчас, – гном в течении разговора ни разу не переменил позы, и Герман понял, что видит перед собой калеку. – Положите их на золотое блюдо перед моим креслом.

Блюдо тотчас наполнилось, ибо Герман всегда полагал, что лучше иметь звонкий талер в кошельке, чем шум в голове от выпитого рейнского вина.

– Прекрасно, мой мальчик, прекрасно. Теперь подойдите к тому, что стоит у меня за спиной, и сдерните черное покрывало. Там вы и увидите свою любовь, ту персону, которая разобьет ваше сердце...

Студент торопливо обошел кресло и выполнил инструкции старика. Несколько секунд он вглядывался в зеркало, а затем издал сдавленный вопль и пулей вылетел из особняка.

Наутро университет полнился слухами о загадочном самоубийстве студента Шпрингера. Никто, даже друг его Иоганн, не мог даже предположить, что причиной, заставившей Германа сунуть голову в петлю, было увиденное в зеркале старого француза.

И уж тем более не мог друг его Иоганн предположить, кого именно узрел в зеркале несчастный Герман.

Встреча, которой не было

...Поднялся сильный ветер, и он решил укрыться от него в небольшом кафе. Толкнув тяжелую дверь, он подошел к стойке и заказал кофе без сахара с толстым ломтиком лимона – он любил этот горький напиток, любил потягивать его, сидя в таких вот кафе за столиком на одного, слушая тихую музыку...

Она заказала то же самое. Он вздрогнул, услышав это, и повернул голову в ее сторону.

– Не правда ли, удачный повод для знакомства? – спросил он, слегка волнуясь.

– Абсолютно верно, – с какой-то детской серьезностью согласилась она, поправив челку.

...Потом они сидели и пили горький кофе, курили одну сигарету за другой. Они ни о чем не разговаривали, просто сидели и смотрели друг на друга, а потом, не сговариваясь, вышли на улицу.

Нашедшие друг друга долго гуляли по кривым улочкам этого города, говоря обо всем – о музыке, которая нравится обоим, о людях, окружающих их...

На мосту, где ветер развевал полы его черного пальто, он купил у бабульки букет полевых цветов и, галантно поклонившись, подарил ей его.

В ответ она отряхнула пылинку («У нас ужасно пыльный город...») с его плеча, а потом взяла его за руку. Никогда в жизни им не было так хорошо...

...Такое могло произойти с ними. Но не произошло.

Из-за каких-то мелких проблем он не смог приехать в этот город, и они никогда не встретились. Оба продолжали жить своей жизнью. В двадцать лет она умерла в больнице от заражения крови после второго аборта, даже не зная, кто не стал отцом ее ребенка.

А он – что он? В пятьдесят два года ему вдруг стало невыносимо скучно и грустно. Мысль, которая пронзила его, причинила ему боль: «Меня никто никогда не любил».

И тогда он повесил на плечики генеральский мундир, ослабил узел форменного галстука и плеснул себе еще коньяку. Залпом опрокинув граненый стакан, он взял именную пистолет и, взглянув на дождь за окном, пустил себе пулю в висок.

Драконоборец

– Так ты пришел убить меня? – говорившего не было видно в полумраке пещеры.

Рыцарь, державший наперевес копье, только усмехнулся:

– Конечно. Ты ведь дракон – и король послал меня уничтожить тебя, злобное создание.

– Подожди – постепенно глаза рыцаря привыкали к полутьме и он уже мог различить очертания огромного дракона, свернувшегося в клубок на груди сокровищ. – Присядь. Ты ведь проделал долгий путь, разыскивая мое логово, не так ли?

Рыцарь кивнул. Он действительно порядком подустал, бегая по горам. Да и в горле пересохло просто ужасно.

– Может быть, прежде чем убить меня, ты отведаешь чудного вина из моей коллекции? Все равно, я так понимаю, мне она вскоре станет абсолютно без надобности. Вино не отравлено, не бойся – мы, драконы, не опускаемся до таких мелких пакостей.

«А ведь у него очень приятный голос», – подумал рыцарь. Не выпуская из рук оружия он подошел к бочке и вытащил пробку.

Вино действительно оказалось великолепным. Да и собеседником дракон оказался превосходным.

– Так ты утверждаешь, что рыцарю недоступны пороки, и именно потому он столь нетерпим к нам, драконам? Людская молва наделила нас свирепостью, ужасным видом, похотливостью и алчностью.

– Так оно и есть, – согласился рыцарь. – Ведь вы крадете девушек, запираете их в башнях, а сами, обуреваемые великой жадой стяжательства, копите несметные запасы золота в своих подвалах.

– Хм, интересная логика, – дракон зевнул и из его рта вырвались несколько струек дыма. – Подходя к моему жилищу ты случайно не заметил поблизости какой–нибудь мало–мальски подходящей башенки? А то вот ведь незадача – нет у меня никакой башни. И девушки в ней, соответственно, тоже нет – чисто физиологически она мне не интересна.

– Ну а как же золото? – рыцарю вдруг вспомнилась старая пословица: «Никогда не заговаривай с драконом, если хочешь его убить».

«Глуповат. Убежден в своей правоте, но глуповат» – дракон смотрел на простодушное лицо, вперившееся в него наивными голубыми глазами. «Да и молод он, пожалуй».

– Золото? Да, мы копим его. Но не для того, чтобы любоваться им, как люди – мы на нем спим. Такова уж особенность нашего скелета – просто нам мягче спать на груди монет и слитков, чем на перине. Ты же не будешь обвинять человека, набивающего свою постель пухом и пером?

– Ну, хорошо. А насчет свирепости...

– Мальчик, мы с тобой разговариваем уже битых полчаса. Неужели, если бы это было правдой, ты бы пил мое вино и, кстати, топтал мою постель своими... ммм... не совсем чистыми сапогами?

– И то правда, – рыцарь согласился с драконом.

«Он уже растерян. Теперь самое время нанести ему последний удар».

– А знаешь почему человечество так нас ненавидит? Позволь я процитирую тебе старинную книгу, а ты угадаешь, о ком это сказано?

– Было бы очень интересно, – рыцарь положил копье на холодные камни пещеры и устроился рядом, спиной к выходу.

– Слушай внимательно: «Существа эти алчны и похотливы, отличаются беспричинной свирепостью и в гневе своем, либо по причинам понятным им, способны сокрушить горы

и изменить течение рек. В своем коварстве они не знают равных себе, и ради достижения поставленной цели не брезгают ничем, даже мерзкими средствами...» Это аль—Ширвани, восточный мудрец, живший на три столетия раньше тебя, мальчик. И как ты находишь, чье описание я тебе только что привел?

– Дракона, – уверенно ответил молодой рыцарь.

– Совершенно верно. Дракона. Но неужели ты не заметил в этом описании ничего схожего с человеком? Ведь оно на все сто подходит и вам. Так кто же после этого драконы, мой мальчик? Кстати, обернись – *твой хвост высунулся из пещеры и его может намочить дождем...*

Рыцарь обернулся, удивляясь, почему поворот головы дается ему с таким трудом. Перспектива пещеры тоже изменилась... будто он смотрел на нее совсем другими, нечеловеческими глазами.

– Это твоя проклятая магия, – пролепетал он, смотря с ужасом на человека напротив.

Человек усмехнулся и подобрал с пола копьё.

– Нет, мальчик мой. Это не магия. Просто внутренняя суть людей такова. А ты обнажил ее, обрастая чешуей и шевеля своим изящным хвостом.

Коротко свистнуло копьё, вонзившись в глаз дракона. Человек достал короткий меч и после некоторых усилий вырезал у умирающего чудовища язык. Закинув его в заплечный мешок, он вышел из пещеры и зашагал по тропинке в сторону столицы, насвистывая бессмысленный веселый мотив. Ведь впереди его ждала награда короля, а, возможно, и принцесса согласится стать женой победителя драконов.

Социальное государство

– Я, Марина Сергеевна, в этом доме всю жизнь прожила. С тысяча девятьсот пятьдесят четвертого, как дом построили. Здесь передовикам с нашего комбината квартиры давали, до перестрелки этой, когда Гайдар цены отпустил, а Ельцин закусывать после третьей перестал.

А потом комбинат наш разогнали, кто куда. Вот Инна с тридцатой – в Турцию моталась, шмотки брала, потом на рынке продавала. Переехала в новую квартиру, на окраине правда, но воздух почище. А на ее жилплощадь эти Феклистовы и въехали, чтоб им пусто было. Лет семь прошло уже, ага. Поначалу вроде ничего семья – сам слесарь, она – в овощном товаровед. Детей двое у них было – старший, Колька, после армии в шиномонтажке работал, младший в школу ходил.

И куда деваться – начал Феклистов зашибать. Поначалу вроде ничего, а в две тысячи втором что—то сдвинулось у него в голове. Пить начал с утра. С работы его, конечно, погнали. Колька начал с ним, бывало что чертей по три дня гоняли. Анна, супруга слесаря, поначалу пыталась прекратить, а потом и сама. Так и пошло у них – утром пьют, днем песни поют, к вечеру дерутся. Младшего тогда еще в детдом забрали, училка похлопотала, спасибо ей. А Колька по пьяному делу в тюрьму загремел, ограбить кого—то пытались что ли.

Пить, значить, Феклистовы вдвоем продолжили. Оба не работают, пособие получают. Все из квартиры вынесли, газ им отключили, электричество тоже обрезали. Унитаз, прости Господи, пропили, куда ходили нужду справлять – неизвестно. Может и на пол.

Повздыхали соседи, повздыхали, и участковому по старой памяти пожаловались. А он —то нас и просветил, что по «Указу триста пять» таких хануриков, как Феклистовы, сейчас невеселая судьба ждет. Этот указ, его в восемнадцатом году приняли, летом. И, такими личностями сейчас занимается Министерство социальной защиты. А при нем, следовательно, есть служба специальная.

Вот такая служба, значить, и подъехала как—то пополудни к подъезду. Вышли с «Газели» – если не помните, Марина Сергеевна, в этих гробах раньше людей возили, а назывались они «Маршрутные такси». Ну вот, значить, выходят с такой «Газели» желтенькой три молодца в спецовках рабочих, заходят в подъезд. Мы сначала с девочками и не поняли, что к чему – то ли газ утек, то ли мебель кому привезли. Потом глядь – один под рученьки Феклистову ведет, двое других хозяина вытаскивают.

Нина с уголовного дома сначала ахнула: «Чего ж вы его вперед ногами выносите, живого?» А молодец ей спокойно и отвечает: «А он, бабуль, сам себя живым считать отказался. Потому и отправляется с бабонькой своей на дальний крайний север, на благо Отечества руду под мерзлотой ковырять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.